

Агрессия и вера в справедливый мир у подростков из Беларуси и Украины: сравнительный анализ

Ларионов П.М.

*Университет Казимира Великого, г. Быдгощ, Республика Польша,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4911-3984>, e-mail: pavlm@outlook.com*

Агеенкова Е.К.

*Институт психологии Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка, г. Минск, Республика Беларусь,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7589-3884>, e-mail: ageenkova@list.ru*

Смеян В.С.

*Институт психологии Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка, г. Минск, Республика Беларусь,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8902-1865>, e-mail: viktorsmeyan@bk.ru*

В связи с распространением культуры насилия в современном обществе при изучении проблемы агрессивного поведения подростков появляются новые направления исследований. С целью комплексного рассмотрения этой проблемы следует учитывать не только внутриличностный и межличностный аспекты системы отношений личности, но и ее отношения с миром, которые могут быть выражены в виде двух форм веры в справедливый мир: веры в справедливость мира вообще и веры субъекта в справедливость мира по отношению к нему. 70 белорусских и 109 украинских подростков заполняли два опросника: Опросник агрессии А. Басса и М. Перри и Шкалу веры в справедливый мир К. Далберт. Обнаружено, что белорусские подростки характеризуются более низкой агрессией по сравнению с украинскими. Связь агрессии с двумя формами веры в справедливый мир у белорусских и украинских подростков отрицательна. Белорусские и украинские подростки в среднем считают, что мир «скорее справедлив». Это указывает на схожие мировоззренческие позиции подростков в обеих культурах.

Ключевые слова: агрессия, вера в справедливый мир, подростки, справедливость, агрессивное поведение, мировосприятие, социально-психологические факторы, фрустрация.

Для цитаты: Ларионов П.М., Агеенкова Е.К., Смеян В.С. Агрессия и вера в справедливый мир у подростков из Беларуси и Украины: сравнительный анализ [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2021. Том 10. № 1. С. 150–179. DOI: 10.17759/cpse.2021100108

Проблемы и тенденции изучения подростковой агрессии

Казалось бы, проблема агрессии подростков давно исчерпала себя в научном плане, а многочисленные исследования подтвердили факт повышения ее уровня у детей подросткового возраста. Однако реалии современного мира обнаружили новые пласты данного явления. Общая напряженность эмоциональной жизни подростков стала причиной распространения таких явлений, как школьное насилие, колумбайн (массовые убийства в школах) и скулшутинг (вооруженное нападение учащегося или постороннего лица на школьников внутри учебного заведения). Таким образом, эта проблема перестала быть прерогативой только психологической науки. К ней проявляют интерес и юристы, и представители силовых структур.

В исследованиях последних лет обнаруживаются две тенденции изучения агрессии детей подросткового возраста. С одной стороны, осуществляется анализ форм проявления их агрессивного поведения и выявление предикторов, провоцирующих его, с другой — психологи наконец-то решили заглянуть во внутренний мир детей, находящихся на первых стадиях процесса интеграции с миром взрослых, с попыткой обнаружить внутриличностные факторы, обуславливающие агрессивное поведение у отдельных их представителей.

В рамках первой тенденции исследования детской агрессии в настоящее время появились многочисленные публикации, посвященные таким новым формам насилия, как буллинг (школьное насилие) [8; 9], колумбайн [11], скулшутинг [14; 18]. Д.Г. Давыдов и К.Д. Хломов, представившие в своей статье широкий спектр зарубежных и российских исследований, касающихся явления колумбайна, пишут, что заметным фактором агрессивного поведения молодежи является культура насилия в современном обществе [11]. В.О. Карпов отмечает развитие деструктивной субкультуризации, т.е. появление групп, пропагандирующих насилие, в том числе культ «колумбайна», суицид у детей и подростков [14], садизм по отношению к животным [13] и вандализм [10]. По данным Н.В. Гребень, современная школа воспринимается подростками как небезопасное место, в которой широко распространен буллинг [8]. А.А. Реан обнаружил, что вовлеченность участников в процесс травли в школе, независимо от их роли — жертвы, агрессора или наблюдателя — связана с более низким уровнем ощущения безопасности в школе [18]. В свою очередь отмечено, что опыт буллинга провоцирует формирование негативной самооценки и увеличение риска суицидального поведения у объектов травли [9].

Психологи направляют свое внимание на исследование не только личностных детерминант агрессии подростков, но и на исследование факторов, связанных с возникновением агрессивных реакций [1]. При изучении на выборке белорусских и украинских подростков социально-психологических факторов, провоцирующих агрессию, Е.К. Агеенкова, П.М. Ларионов и В.А. Волчек обнаружили, что подростки не только реагируют на воздействующие непосредственно на них фрустрирующие факторы окружающей действительности, но и на наблюдаемые ими такие явления, как вандализм, недостойное поведения учителей, других взрослых и сверстников [1; 15]. Авторы отметили, что неосторожное поведение взрослых по отношению

к подростку может кардинально изменить его картину мира и спровоцировать формирование неадаптивного жизненного сценария [1]. На это ранее обращала внимание К. Хорни, которая утверждала, что «окружающие ребенка люди слишком глубоко погружены в свои собственные невроты, чтобы любить ребенка или хотя бы думать о нем, как об отдельной самобытной личности ... они могут быть подавляющими, гиперопекающими, запугивающими, раздражительными, сверхпедантичными, потакающими, неустойчивыми, придирчивыми, равнодушными, могут иметь любимчиков в ущерб другим детям и т.д.» [20, с. 31].

В рамках второй тенденции, направленной на выявления внутриличностных факторов, обуславливающих агрессивное поведение подростков, можно отнести ряд работ, в которых затрагиваются новые аспекты этого феномена. В частности, Е.К. Агеенкова с соавторами при использовании проективной методологии исследования жизненного сценария предположили, что многие негативные явления «большого мира», такие как неподобающее поведение взрослых и недостойное поведение сверстников, у подростков не совпадают с их сложившимися установками и картиной мира, сформированными семейными ценностями и детскими сказками. В связи с этим большой социальный мир для многих подростков, по мнению исследователей, начинает восприниматься как наполненный несправедливостью, сексуальными домогательствами и жестокостью, что и провоцирует у них агрессивные реакции по отношению к миру [1]. Изучая широкий спектр социально-психологических факторов в возникновении агрессии различной степени у подростков, П.М. Ларионов отметил, что переживание несправедливости является одним из ключевых факторов, провоцирующих агрессивное поведение. Особо сильно подростки реагируют на несправедливое отношение учителей (выбор «козла отпущения», выбор «любимчиков») [15].

Необходимо также сослаться на мнение Э. Эриксона, определившего подростковый возраст в качестве «моратория», в котором подростки ищут свою нишу в обществе. К задачам отрочества он отнес развитие механизмов, защищающих эго от постоянно возрастающей интенсивности импульсов, идущих от зрелого генитального аппарата и мощной мышечной системы, консолидацию наиболее важных жизненных достижений, а также ресинтезирование всех идентификаций детства в единое целое и приведение этих опытных данных в соответствие с ролями, предлагаемыми значительной частью общества [21].

Феномен веры в справедливый мир

Многие исследователи подчеркивают, что негативный эмоциональный фон, в частности гнев, страх и чувство вины, связан с утратой веры в справедливость, и взаимодействие этих факторов может привести к порочному кругу [2]. В связи с этим переживаемая или проявляемая агрессия, по словам В.Н. Аргуновой, может служить средством для реализации желания «быстро “навести порядок”, найти и наказать других людей, обвиняя их в возникших проблемах, снимая с себя ответственность за произошедшее» [2, с. 84]. Как подчеркивают Н.Б. Астанина и С.А. Голубева, люди обладают различной чувствительностью к справедливости

и восприимчивостью к несправедливости, что отражает формирование различных реакций на наблюдаемую несправедливость [6].

Важную роль в изучении понятия справедливости сыграл М. Лернер, который ввел в психологию понятие веры в справедливый мир. Вера в справедливый мир — это вера человека в то, что мир справедлив и что каждый в жизни получает то, что заслуживает [35]. В истории человечества, культуре и религии отмечается, что несправедливость является неотъемлемым и часто проявляющимся атрибутом мира, тем не менее, люди не склонны отказываться от веры в справедливый мир. Согласно М. Лернеру, вера в справедливый мир — это фундаментальная иллюзия, которая имеет адаптивное значение, поскольку позволяет человеку воспринимать жизнь как безопасную и упорядоченную. Человек является не только наблюдателем справедливых и несправедливых ситуаций в жизни, которые он интерпретирует и оценивает, но и их участником, непосредственно соприкасаясь в своей жизни со справедливым и несправедливым отношением к нему других людей. В связи с этим И.М. Липкус и соавторы предложили разграничивать две формы веры в справедливый мир — веру в справедливый мир вообще ($ВСМ_{общ}$) и веру субъекта в справедливость мира по отношению к нему самому ($ВСМ_{личн}$). $ВСМ_{общ}$ отражает веру в то, что мир — это справедливое место, где каждый получает то, что заслуживает. В свою очередь $ВСМ_{личн}$ отражает веру человека в то, что по отношению к нему поступают справедливо [36]. $ВСМ_{общ}$ выражается в вопросе «справедливо ли мир устроен?», в то время как феноменологию $ВСМ_{личн}$ отражает вопрос «справедлива ли жизнь ко мне»? Возможно формирование четырех различных жизненных установок, сформированных благодаря комбинации различных позиций веры в справедливость: высокого или низкого $ВСМ_{общ}$ с высоким или низким $ВСМ_{личн}$. Подобную аналогию можно найти в теории Э. Берна, в которой рассмотрены четыре жизненные позиции: 1) я — о'кей, ты — о'кей (здоровая позиция); 2) я — не о'кей, ты — о'кей (депрессивная позиция); 3) я — о'кей, ты — не о'кей (параноидальная позиция); 4) я — не о'кей, ты — не о'кей (шизоидальная позиция) [32]. Как и здоровая жизненная позиция по Э. Берну, так и высокие уровни $ВСМ_{личн}$ и $ВСМ_{общ}$, могут быть ресурсом для личности и связаны с ее психологическим благополучием [16].

Вера в справедливый мир и ее роль для личности

В связи с обнаружением с помощью проективной методологии и анкетных методов связи агрессивных тенденций у подростков с восприятием ими окружающего мира как несправедливого [1; 15] возник интерес к исследованию данного феномена с применением объективных методов исследования, в частности Шкалы веры в справедливый мир. Она была предложена К. Далберт в 1999 году. Шкала служит для изучения выраженности $ВСМ_{личн}$ и $ВСМ_{общ}$ [25]. Рассматривая роль отдельных составляющих веры в справедливый мир, следует отметить, что именно $ВСМ_{личн}$ имеет более важное значение для психологического функционирования личности. Обнаружено, что $ВСМ_{личн}$ положительно связана с удовлетворенностью жизнью [43], психологическим благополучием, конструктивным копинг-поведением, позитивной ориентацией на будущее и просоциальным поведением [22], а также низкой негативной аффективностью [39] и менее

выраженным чувством зависти [40]. При контроле личностных черт нейротизма и экстраверсии исследователи Дж. Джука и К. Далберт на выборке 195 студентов мужского пола 15–19 лет отметили, что $ВСМ_{личн}$ положительно коррелирует с психологическим благополучием [28]. С.К. Нартова-Бочавер с соавторами обнаружили, что $ВСМ_{личн}$ отрицательно коррелирует с депрессивной симптоматикой, но положительно — с самооценкой и психологической устойчивостью [39]. Можно отметить, что исследования, касающиеся $ВСМ_{личн}$, согласованы и отражают положительную роль данной формы веры в справедливый мир. Для личности $ВСМ_{личн}$ играет более важную роль, чем $ВСМ_{общ}$, поскольку личность гораздо чаще переживает справедливые или несправедливые жизненные ситуации в своей жизни и производит их оценку, чем формирует и пересматривает набор убеждений о справедливости мира вообще.

Исследования роли $ВСМ_{общ}$ для личности отражают как адаптивную, так и дезадаптивную роль данной формы веры в справедливый мир. Среди позитивных эффектов $ВСМ_{общ}$ отмечают ее связь с психологической устойчивостью, психологическим благополучием и позитивным аффектом [33; 39; 42]. $ВСМ_{общ}$ через восприятие смысла жизни связана с намерением оказывать помощь другим людям [31]. Если $ВСМ_{личн}$ связана с менее выраженным переживанием злорадства при виде чужого несчастья (нем. Schadenfreude), то $ВСМ_{общ}$ — с более высоким уровнем злорадства [40]. Обнаружена положительная связь $ВСМ_{общ}$ с дискриминацией пожилых лиц [23]. Снижение уровня $ВСМ_{общ}$ связано с уменьшением социальной и политической активности [30; 37].

Существует необходимость анализа соотношения между $ВСМ_{личн}$ и $ВСМ_{общ}$ с целью изучения убеждений личности и их роли для психологического здоровья. При сравнительном анализе форм веры в справедливый мир у пациентов с депрессией и лиц без депрессии обнаружено, что пациенты с депрессией воспринимали мир как несправедливый к ним (низкая $ВСМ_{личн}$), но при этом были убеждены, что мир в целом является справедливым (высокая $ВСМ_{общ}$). Убеждения лиц без депрессии были не столь полярными [41].

Таким образом, как высокий, так и низкий уровни $ВСМ_{общ}$ несут в себе как положительные, так и отрицательные последствия для отдельной личности и для общества в целом, что также было подчеркнуто в обзоре Н.Б. Астаниной [4]. Так или иначе, $ВСМ_{общ}$ по сравнению с $ВСМ_{личн}$ является феноменологически более широким понятием, которое, по нашему мнению, чересчур размыто. Вероятно, в связи с этим и проявляется неоднородность результатов исследований. Следует отметить, что $ВСМ_{общ}$ по сравнению с $ВСМ_{личн}$ гораздо менее *личностно ощутима*, а следовательно, и *менее психотерапевтична* (с большей вероятностью можно встретить человека, переживающего ситуацию несправедливости в своей жизни, чем человека, беспокоящегося о несправедливом устройстве мира, при условии, что он не находится в экзистенциальном кризисе в процессе самореализации). Для более глубокого понимания психологического функционирования личности следует анализировать соотношение между $ВСМ_{личн}$ и $ВСМ_{общ}$, обращая особое внимание на уровень $ВСМ_{личн}$ и несколько меньшее — на уровень $ВСМ_{общ}$.

Вера в справедливый мир у подростков

Закономерности взаимосвязи веры в справедливый мир с различными переменными, полученные на выборках взрослых лиц, согласуются с результатами исследований подростков. Н.Б. Астанина обнаружила положительную взаимосвязь психологического благополучия с ВСМ_{общ} в группе 212 российских подростков 13–18 лет [3]. Наблюдаются половые различия в уровне веры в справедливый мир. Отмечено, что российские девочки-подростки характеризуются несколько более высоким уровнем ВСМ_{общ} по сравнению с мальчиками [5]. Рассматривая связь веры в справедливый мир с социальным поведением, следует отметить, что ВСМ_{личн} положительно связана с просоциальным поведением подростков [26]. При этом снижение ВСМ_{личн} связано с увеличением уровня буллинга, на что обратили внимание М. Донат и коллеги, изучая немецких и индийских подростков [27]. На выборке португальских подростков 12–18 лет также было подтверждено, что низкая ВСМ_{личн} связана со склонностью к буллингу [24]. При анализе литературных источников обнаружено лишь одно исследование, рассматривающее непосредственно связь веры в справедливый мир с агрессией. Оно было проведено в Иране среди лиц старше 16 лет. Обнаружено, что ВСМ_{общ} отрицательно связана с гневом ($r=-0,17$) и враждебностью ($r=-0,12$) [29].

Как показывают результаты этих исследований, вера в справедливый мир действительно связана с некоторыми формами буллинга, что создает новые возможности для ранней диагностики и профилактики агрессивного поведения подростков. Тем не менее, остается открытым вопрос, в какой мере внутренние переживания подростка на тему справедливости мира вообще и его субъективной веры в то, что мир справедлив по отношению к нему самому, определяют в целом уровень его агрессии. Немаловажным является изучение связанных с верой в справедливый мир форм агрессии, в том числе враждебности, которая является предвестником агрессивного поведения подростков. Как подчеркивают А.А. Реан и И.А. Коновалов, стратегия поиска предрасполагающих факторов агрессии является оптимальной, поскольку способствует раннему выявлению подростков, относящихся к группе риска, до совершения ими агрессивных противоправных действия [19].

Гипотезы исследования

Можно предположить, что, как и агрессия со всеми ее структурными компонентами, так и вера в справедливый мир могут по-разному переживаться подростками, формирующимися в различных средовых условиях, в том числе культуральных. Это обусловило выбор цели исследования, которая заключается в выявлении особенностей проявления веры в справедливость мира и агрессии, а также их взаимосвязи у подростков, проживающих в Беларуси и Украине. При этом предполагается, что у украинских подростков, которые формировались в условиях социальных катаклизмов, имевших место в их стране, эти особенности будут иными по сравнению с белорусскими подростками, проживающими на момент исследования в стабильных социальных условиях. Кроме этого, в качестве гипотезы было выдвинуто предположение, что степень выраженности веры в справедливый

мир может быть связана с агрессией и ее компонентами: физической агрессией, гневом и враждебностью.

Участники исследования

Белорусская выборка составила 70 человек в возрасте 12–16 лет ($M=13,80$ лет, $SD=0,77$ лет), среди них 38 мальчиков и 32 девочки. Исследование проводилось в одной из школ Минской области в ноябре–декабре 2019 года.

Украинская выборка составила 109 человек в возрасте 12–16 лет ($M=13,61$ лет, $SD=1,09$ лет), среди них 49 мальчиков и 60 девочек. Исследование проводилось в общеобразовательных школах г. Житомира в сентябре–ноябре 2019 года.

Исследование проводилось в соответствии с политикой проведения научных исследований в Беларуси и Украине. Исследование было добровольным, анонимным и соответствовало принципу конфиденциальности научных исследований. Среди социально-демографических переменных участники исследования сообщали пол и возраст.

Методы исследования

В исследовании были использованы две методики: опросник диагностики агрессии ВРАQ А. Басса и М. Перри в адаптации С.Н. Ениколопова и Н.П. Цибульского [12] и Шкала веры в справедливый мир, разработанная К. Далберт [25] и адаптированная в России С.К. Нартовой-Бочавер с соавторами [38].

Опросник ВРАQ позволяет количественно оценить выраженность трех компонентов агрессии: физической агрессии, гнева и враждебности, а также рассчитать интегральный (общий) показатель агрессии (Агрессия_{интегр}). ВРАQ содержит 24 утверждения, которые предлагается оценить по пятибалльной шкале от 1 («очень на меня не похоже») до 5 («очень на меня похоже») [12].

Шкала веры в справедливый мир служит для оценки степени веры в справедливость мира вообще (подшкала опросника ВСМ_{общ}) и веры в справедливость по отношению к самому себе (ВСМ_{личн}). Опросник содержит 13 утверждений, которые предлагается оценить от 1 («совсем не согласен») до 6 («полностью согласен») [16; 38].

Участники исследования заполняли стандартизированные диагностические бланки опросников ВРАQ и Шкалы веры в справедливый мир индивидуально, в формате «карандаш–бумага». Статистический анализ был проведен с использованием программы Statistica версии 13.3. Применены методы описательной статистики, корреляционный анализ Спирмена, непараметрический критерий Манна–Уитни.

Результаты исследования

Средние значения исследуемых переменных для групп украинских и белорусских подростков, в том числе отдельно для мальчиков и девочек,

и результаты сравнительного анализа, проведенного с помощью критерия Манна–Уитни, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Данные сравнительного анализа уровня агрессии и веры в справедливый мир у белорусских и украинских подростков

Переменные	Украинские подростки Среднее значение			Белорусские подростки Среднее значение			Значимость различий p между группами украинских и белорусских подростков	Значимость различий p между украинскими мальчиками и девочками / белорусскими мальчиками и девочками
	Целая группа	М	Д	Целая группа	М	Д		
Физическая агрессия	25,34	26,67	24,25	23,74	23,24	24,34	0,135	0,093 / 0,346
Гнев	20,9	19,35	22,17	17,19	17,08	17,31	<0,001	0,014 / 0,805
Враждебность	23,22	22,00	24,22	18,41	18,32	18,53	<0,001	0,075 / 0,755
Агрессия _{интегр}	69,46	68,02	70,63	59,34	58,63	60,19	<0,001	0,394 / 0,625
ВСМ _{личн}	27,99 (4,00)	27,76 (3,97)	28,18 (4,03)	28,57 (4,08)	27,34 (3,91)	30,03 (4,29)	0,565	0,772 / 0,094
ВСМ _{общ}	23,38 (3,90)	22,96 (3,83)	23,72 (3,95)	23,84 (3,97)	23,08 (3,85)	24,75 (4,13)	0,509	0,296 / 0,440

Примечание. М — мальчики, Д — девочки. Для ВСМ_{личн} и ВСМ_{общ} представлены суммы баллов шкал и в скобках среднее значение суммы баллов.

Сравнительный анализ показал, что украинские подростки по сравнению с белорусскими характеризуются достоверно большими показателями ($p < 0,001$) выраженности гнева, враждебности и в целом агрессии (Агрессия_{интегр}) за исключением одной из ее форм — физической, для которой не обнаружены статистически значимые различия. Такая же закономерность наблюдается при сравнительном анализе уровня агрессии (Агрессия_{интегр}) и ее компонентов у украинских и белорусских девочек — все показатели, кроме физической агрессии, значительно выше ($p < 0,001$) у украинок (табл. 2). У украинских мальчиков уровень агрессии (Агрессия_{интегр}) и всех ее составляющих достоверно выше по сравнению с белорусскими мальчиками, однако эти различия менее очевидны (уровни достоверности от $p < 0,05$ до $p < 0,01$; табл. 2).

Сравнительный анализ уровня агрессии и ее составляющих в целом не выявил существенных отличий между мальчиками и девочками как в белорусской, так и в украинской выборках. Обнаружено лишь достоверное повышение

среднестатистического уровня гнева у украинских девочек по сравнению с мальчиками этой страны ($p=0,014$; табл. 1). Возможно, что это связано с темпераментными особенностями женской составляющей украинской выборки, однако это предположение требует проверки.

Таблица 2

Результаты сравнительного анализа уровня агрессии и веры в справедливый мир между белорусскими и украинскими мальчиками и девочками

Переменные	Украинские мальчики / девочки Среднее значение	Белорусские мальчики / девочки Среднее значение	Значимость различий p между украинскими и белорусскими мальчиками / украинскими и белорусскими девочками
Физическая агрессия	26,67 / 24,25	23,24 / 24,34	0,014 / 0,787
Гнев	19,35 / 22,17	17,08 / 17,31	0,015 / <0,001
Враждебность	22,00 / 24,22	18,32 / 18,53	0,028 / <0,001
Агрессия _{интегр}	68,02 / 70,63	58,63 / 60,19	0,008 / <0,001
ВСМ _{личн}	27,76 / 28,18	27,34 / 30,03	0,546 / 0,082
ВСМ _{общ}	22,96 / 23,72	23,08 / 24,75	0,650 / 0,515

При статистической обработке данных не обнаружено статистически значимых различий в уровне ВСМ_{личн} и ВСМ_{общ} между белорусскими и украинскими подростками (табл. 1). Внутри обеих культур между мальчиками и девочками также не было обнаружено значимых различий в уровне составляющих веры в справедливый мир.

Был проведен корреляционный анализ агрессии и ее форм (физическая агрессия, гнев и враждебность) со всеми составляющими веры в справедливый мир (ВСМ_{личн} и ВСМ_{общ}). Данные представлены в таблице 3.

Согласно результатам корреляционного анализа, связь агрессии и ее форм с верой в справедливый мир у белорусских и украинских подростков является отрицательной. Враждебность наиболее сильно отрицательно связана с верой в справедливый мир и ее подшкалами, а наиболее слабо — гнев.

Таким образом, данные исследования белорусских и украинских подростков подтвердили гипотезу, что утрата веры в справедливый мир (особенно ВСМ_{личн}) связана с повышением уровня агрессии и ее компонентов — физической агрессии, гнева и враждебности.

Таблица 3

**Связь агрессии и веры в справедливый мир
 у белорусских и украинских подростков**

Белорусские подростки / украинские подростки	Физическая агрессия	Гнев	Враждебность	Агрессия _{интегр}
ВСМ _{личн}	-0,37** / -0,22*	-0,24* / -0,24*	-0,51*** / -0,43***	-0,49*** / -0,38***
ВСМ _{общ}	-0,22 / -0,23*	-0,04 / -0,14	-0,33** / -0,39***	-0,26* / -0,35***

Примечание. * — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$, *** — $p < 0,001$.

Обсуждение результатов

Проведенное исследование показало, что оценка и изучение агрессии как изолированного явления в психологическом пространстве личности подростков является малоинформативным подходом. Агрессия обычно рассматривается всего лишь как реакция на травмирующие ребенка факторы внешней и внутренней среды. Например, автор фрустрационной теории агрессии Л. Берковиц писал, что агрессия возникает как естественная реакция в условиях, когда человек не может удовлетворить в реальной или предполагаемой ситуации те или иные свои потребности [7]. В связи с этим для понимания подростковой агрессии явно недостаточно констатировать повышение ее уровня. Агрессию следует рассматривать в совокупности со сложившимися у детей подросткового возраста представлениями о мире, условиями социальной среды, особенностями психологического функционирования личности, учитывая в том числе особенности копинга и специфику использования стратегий регуляции эмоций [34]. Проведенные исследования показали, что в качестве фактора, определяющего возникновение агрессии, может служить интегративная мировоззренческая позиция — представление о справедливости мира.

Проведенное исследование указало на более высокие показатели агрессии и некоторых ее форм у украинских подростков по сравнению с белорусскими. Эти данные можно объяснить двумя факторами. Во-первых, белорусы традиционно считаются толерантным и спокойным народом, чему посвящено достаточно много исследований, некоторые из которых объясняют данный феномен с позиций концепции этногенеза Л.Н. Гумилева, в частности, недостатком энергии в самом этносе [17]. Во-вторых, на момент исследования Беларусь по сравнению с Украиной не переживала серьезных социально-экономических катаклизмов, которые могли бы обусловить повышение уровня агрессии у детского населения. Однако, как показывает данное исследование, даже наличие социальных потрясений, которые пережила Украина, не породило у украинских подростков потребности в использовании физической силы против другого субъекта или объекта (определяется как уровень физической агрессии в опроснике ВРАQ).

Увеличение уровня веры в справедливый мир, особенно $ВСМ_{личн}$, отрицательно связано с уровнем агрессии и большинства ее составляющих как в группе белорусских, так и украинских подростков. Следует отметить сильные взаимосвязи интегрального показателя агрессии с $ВСМ_{личн}$, полученные на белорусской ($r_s=-0,49$) и украинской выборках ($r_s=-0,38$), и менее сильные — с $ВСМ_{общ}$ ($r_s=-0,26$ и $r_s=-0,35$ соответственно). Эти данные свидетельствуют о том, что возникновение у подростка агрессивных реакций в большей степени связано с переживанием несправедливого к нему отношения мира и других людей ($ВСМ_{личн}$), чем с его переживанием несправедливого устройства мира ($ВСМ_{общ}$).

Для белорусских и украинских подростков в среднем характерна жизненная позиция человека, который «скорее согласен» с тем, что мир справедлив вообще и по отношению к нему в частности. Это указывает на схожесть мировоззренческих позиций подростков в этих культурах. Стоит подчеркнуть, что в обеих культурах $ВСМ_{общ}$ несколько ниже, чем $ВСМ_{личн}$, что гораздо более благоприятно, чем противоположная ситуация ($ВСМ_{общ} > ВСМ_{личн}$).

Данная работа, посвященная агрессии и вере в справедливый мир у подростков 12–16 лет, согласуется с результатами иранского исследования о наличии отрицательных связей $ВСМ_{общ}$ с агрессией у лиц старше 16 лет [29]. Проведенное исследование косвенно подтверждает результаты других исследователей, которые обнаружили, что более выраженная вера в справедливый мир в двух ее формах связана с такими психологическими характеристиками, как психологическая устойчивость, психологическое благополучие, позитивный аффект [33; 39; 42], с намерением оказывать помощь другим людям [31]. Обнаруженные другими исследователями обратные тенденции, касающиеся негативных эффектов $ВСМ_{общ}$, таких как положительная связь $ВСМ_{общ}$ с дискриминацией пожилых лиц [23], скорее всего не подтвердятся в белорусском и украинском социокультурном пространстве, так как в этих сообществах в семьях традиционно проживают представители трех поколений, включая детей и пожилых людей.

Представленное в статье исследование агрессии подростков базируется в основном на обнаружении статистически значимых взаимосвязей между переменными и поиске различий в тестовых психологических переменных в двух группах. Данный подход является самым распространенным в современной психологии, хотя и имеет существенные ограничения — он выявляет лишь отдельные грани беспредельного внутреннего мира человека. Однако тестирование обладает более высоким уровнем стандартизации и точности при интерпретации данных, в связи с чем оно остаётся основным при проведении научных исследований.

В проведенном исследовании также представлены новые возможности изучения, казалось бы, уже полностью изученной темы агрессии подростков. В статье были проанализированы возможности понимания агрессии не как изолированной характеристики, а в связи с другими переменными, в частности с верой в справедливый мир и принадлежностью к разным социокультурным пространствам. Данный подход раскрывает новые возможности в понимании личностных оснований агрессивного поведения.

Выводы

1. Белорусские подростки по сравнению с украинскими характеризуются достоверно более низкими показателями выраженности гнева, враждебности и в целом агрессии. Статистически значимых различий в уровне физической агрессии не обнаружено.

2. Не обнаружено статистически значимых различий в уровне $ВСМ_{личн}$ и $ВСМ_{общ}$ у белорусских и украинских подростков.

3. У белорусских и украинских подростков связь агрессии и ее компонентов с $ВСМ_{личн}$ и $ВСМ_{общ}$ является отрицательной. $ВСМ_{личн}$ наиболее сильно связано с агрессией и ее компонентами. Переживание подростком несправедливого отношения к нему со стороны мира и других людей в большей мере связано с агрессией, чем переживание подростком несправедливого устройства мира.

4. Среди компонентов агрессии враждебность наиболее сильно отрицательно связана с двумя формами веры в справедливый мир, а наиболее слабо — гнев (только с $ВСМ_{личн}$).

5. Белорусские и украинские подростки «скорее согласны» с тем, что мир справедлив вообще ($ВСМ_{общ}$) и отношению к ним в частности ($ВСМ_{личн}$). Это указывает на схожие мировоззренческие позиции подростков в обеих культурах.

Литература

1. Агеенкова Е.К., Ларионов П.М., Волчѣк В.А. Личностные детерминанты агрессивности подростков // Психотерапия. 2019. № 2. С. 86–94.

2. Аргунова В.Н. Влияние социально-стрессовых расстройств на представления о социальной справедливости и несправедливости // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 3. С. 82–85.

3. Астанина Н.Б. Вера в справедливый мир как коррелят психологического благополучия подростков [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2016. Том 5. № 4. С. 26–38. DOI: 10.17759/psyclin.2016050402 (дата обращения: 01.03.2020).

4. Астанина Н.Б. Вера в справедливый мир как мировоззренческая установка: понятие и функции // Вестник воронежского института экономики и социального управления. 2020. № 1. С. 47–49.

5. Астанина Н.Б. Вера в справедливый мир у российских подростков: гендерный аспект // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2016. № 49-1. С. 22–27.

6. Астанина Н.Б., Голубева С.А. Вера в справедливый мир и чувствительность к справедливости у взрослых людей с глубокими нарушениями зрения

Ларионов П.М., Агеенкова Е.К., Смеян В.С.
Агрессия и вера в справедливый мир у подростков
из Беларуси и Украины: сравнительный анализ
Клиническая и специальная психология
2021. Том 10. № 1. С. 150–179.

Larionov P.M., Ageenkova E.K., Smeyan V.S.
Aggression and Belief in a Just World Among
Adolescents from Belarus and Ukraine:
A Comparative Analysis
Clinical Psychology and Special Education
2021, vol. 10, no. 1, pp. 150–179.

[Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2014. Том 3. № 2. URL: https://psyjournals.ru/psyclin/2014/n2/Astanina_Golubeva.shtml (дата обращения: 13.02.2020).

7. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия, контроль. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001. 512 с.

8. Гребень Н.Ф. Буллинг среди белорусских подростков и возможности его диагностирования // Адукацыя і выхаванне. 2017. № 10. С. 47–53.

9. Гребень Н.Ф. Соотношение подверженности буллингу с самооценкой и суицидальным риском у подростков // Адукацыя і выхаванне. 2017. № 12. С. 38–45.

10. Гурова О.В. Вандальное поведение подростков как правовая и психологическая проблема // Образование и наука. 2018. Том 20. № 10. С. 76–94. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-76-94

11. Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // Национальный психологический журнал. 2018. № 4. С. 62–76. DOI: 10.11621/npj.2018.0406

12. Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П. Психометрический анализ русскоязычной версии опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри // Психологический журнал. 2007. Том 28. № 1. С. 115–124.

13. Жмуров Д.В. Криминальная агрессия детей и подростков. Иркутск: Репро-центр, 2007. 255 с.

14. Карпов В.О. Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Том 9. № 4. С. 442–446. DOI: 10.24420/KUI.2018.49.27.001

15. Ларионов П.М. Социально-психологические факторы, провоцирующие агрессию у подростков // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2020. № 3. С. 74–91.

16. Нартова-Бочавер С.К., Подлипняк М.Б., Хохлова А.Ю. Вера в справедливый мир и психологическое благополучие у глухих и слышащих подростков и взрослых [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2013. Том 2. № 3. URL: <https://psyjournals.ru/psyclin/2013/n3/64003.shtml> (дата обращения: 01.03.2020)

17. Петров М. О толерантности белорусов // Деда: дайджест публикаций о белорусской истории / Под ред. А.Е. Тараса. Минск: А.Н. Вараксин, 2009. С. 178–181.

18. Реан А.А. Профилактика агрессии и асоциальности несовершеннолетних // Национальный психологический журнал. 2018. № 2. С. 3–12. DOI: 10.11621/npj.2018.0201

Ларионов П.М., Агеенкова Е.К., Смеян В.С.
Агрессия и вера в справедливый мир у подростков
из Беларуси и Украины: сравнительный анализ
Клиническая и специальная психология
2021. Том 10. № 1. С. 150–179.

Larionov P.M., Ageenkova E.K., Smeyan V.S.
Aggression and Belief in a Just World Among
Adolescents from Belarus and Ukraine:
A Comparative Analysis
Clinical Psychology and Special Education
2021, vol. 10, no. 1, pp. 150–179.

19. Реан А.А., Коновалов И.А. Проявление агрессивности подростков в зависимости от пола и социально-экономического статуса семьи // Национальный психологический журнал. 2019. № 1. С. 23–33. DOI: 10.11621/npj.2019.0103
20. Хорни К. Невроз и личностный рост: борьба за самоосуществление. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа; БСК, 1997. 316 с.
21. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
22. Bartholomaeus J., Strelan P. The adaptive, approach-oriented correlates of belief in a just world for the self: A review of the research // Personality and Individual Differences. 2019. Vol. 151, article 109485. DOI: 10.1016/j.paid.2019.06.028
23. Bègue L., Bastounis M. Two spheres of belief in justice: extensive support for the bidimensional model of belief in a just world // Journal of Personality. 2003. Vol. 71. № 3. P. 435–463. DOI: 10.1111/1467-6494.7103007
24. Correia I., Dalbert C. School bullying: Belief in a personal just world of bullies, victims and defenders // European Psychologist. 2008. Vol. 13. № 4. P. 249–254. DOI: 10.1027/1016-9040.13.4.248
25. Dalbert C. The world is more just for me than generally: About the personal belief in a Just World Scale's Validity // Social Justice Research. 1999. Vol. 12. P. 79–98. DOI: 10.1023/A:1022091609047
26. De Caroli M.E., Sagone E. Belief in a just world, prosocial behavior, and moral disengagement in adolescence // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 116. P. 596–600. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.01.263
27. Donat M., Umlauft S., Dalbert C. et al. Belief in a just world, teacher justice, and bullying behavior // Aggressive Behavior. 2012. Vol. 38. № 3. P. 185–193. DOI: 10.1002/ab.21421
28. Dzuka J., Dalbert C. Aggression at school: Belief in a personal just world and well-being of victims and aggressors // Studia Psychologica. 2007. № 49. P. 313–320.
29. Golparvar M., Khaksar S., Khayatan F. The relationship between belief in a just and an unjust world and aggression // Developmental Psychology. 2009. Vol. 5. № 18. P. 127–136.
30. Gulevich O., Sarieva I., Nevruiev A. et al. How do social beliefs affect political action motivation? The cases of Russia and Ukraine // Group Processes & Intergroup Relations. 2017. Vol. 20. № 3. P. 382–395. DOI: 10.1177/1368430216683531
31. Igou E.R., Blake A.A., Bless H. Just-world beliefs increase helping intentions via meaning and affect // Journal of Happiness Studies. 2020. DOI: 10.1007/s10902-020-00317-6
32. Jagieła J. Słownik analizy transakcyjnej. Częstochowa: Wydawnictwo im. Stanisława Podobińskiego Akademii im. Jana Długosza w Częstochowie, 2012. 298 p.

Ларионов П.М., Агеенкова Е.К., Смян В.С.
Агрессия и вера в справедливый мир у подростков
из Беларуси и Украины: сравнительный анализ
Клиническая и специальная психология
2021. Том 10. № 1. С. 150–179.

Larionov P.M., Ageenkova E.K., Smeyan V.S.
Aggression and Belief in a Just World Among
Adolescents from Belarus and Ukraine:
A Comparative Analysis
Clinical Psychology and Special Education
2021, vol. 10, no. 1, pp. 150–179.

33. *Jiang F., Yue X., Lu S. et al.* How belief in a just world benefits mental health: The effects of optimism and gratitude // *Social Indicators Research*. 2015. Vol. 126. № 1. P. 411–423. DOI: 10.1007/s11205-015-0877-x
34. *Larionov P.M., Grechukha I.A.* The Role of Alexithymia and Cognitive Emotion Regulation in the Development of Aggressive Behavior in Adolescents // *Clinical Psychology and Special Education*. 2020. Vol. 9. № 4. P. 57–98. DOI: 10.17759/cpse.2020090404
35. *Lerner M.J.* The belief in a just world: A fundamental delusion. New York: Springer Science+Business Media, 1980. 209 P.
36. *Lipkus I.M., Dalbert C., Siegler I.C.* The importance of distinguishing the belief in a just world for self versus for others: Implications for psychological well-Being // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1996. Vol. 22. № 7. P. 666–677. DOI: 10.1177/0146167296227002
37. *Moore D.* Toward a more just world: What makes people participate in social action? // *Justice (Advances in Group Processes, Vol. 25)*. K.A. Hegtvéd, J. Clay-Warner (eds.). Bingley: Emerald Group Publishing Limited, 2008. P. 213–239. DOI: 10.1016/S0882-6145(08)25013-7
38. *Nartova-Bochaver S., Donat M., Astanina N. et al.* Russian adaptations of General and Personal Belief in a Just World Scales: Validation and psychometric properties // *Social Justice Research*. 2018. Vol. 31. № 1. P. 61–84. DOI: 10.1007/s11211-017-0302-5
39. *Nartova-Bochaver S., Donat M., Rüprich C.* Subjective well-being from a just-world perspective: A multi-dimensional approach in a student sample // *Frontiers in Psychology*. 2019. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.01739
40. *Przepiórka A., Błachnio A.* Osobowość, orientacja pozytywna i wiara w sprawiedliwy świat w odczuwaniu zawiści i Schadenfreude // *Przegląd Psychologiczny*. 2015. Vol. 59. № 2. P. 161–179.
41. *Uğur D., Akgün S.* The relationship between belief in a just world and depression // *Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*. 2015. Vol. 6. № 1. P. 103–116. DOI: 10.1501/sbeder_0000000093
42. *Wu M.S., Yan X., Zhou C. et al.* General belief in a just world and resilience: Evidence from a collectivistic culture // *European Journal of Personality*. 2010. Vol. 25. № 6. P. 431–442. DOI: 10.1002/per.807
43. *Yasien S.* Exploring the relationship of belief in just world with subjective well-being among students // *Pakistan Journal of Psychology*. 2015. Vol. 46. № 1. P. 29–40.